

Н. Н. Иванов

Мифопоэтика повести М. Пришвина «У стен града невидимого»

В работе представлен опыт изучения мифопоэтики в творчестве Михаила Пришвина. Автор рассматривает значение мифологических и фольклорных традиций для становления типа художественного мышления Пришвина. Данная проблематика представлена в контексте исследования русского неореализма.

Ключевые слова: мифопоэтика, русский неореализм, М. Пришвин, мифологические традиции, фольклорные традиции, художественное мышление.

N. N. Ivanov

Myth-Poetry of the Play by M. Prishvin “At the Walls of the Invisible Town”

In the work is represented the experience of investigating myth-poetry in Mikhail Prishvin's creativity. The author considers the meaning of mythological and folklore traditions for formation of the writer's type of art thinking in the context of the Russian neo-realism research.

Keywords: myth-poetry, Russian neo-realism, M. Prishvin, mythological traditions, folklore traditions, art thinking.

Мифотворческие тексты М. М. Пришвина возникли при взаимодействии фольклора и языка с его авторским «мифом», «личными образами-символами». Созданная зимой 1909 г. в Петербурге третья книга Пришвина «У стен града невидимого» («Светлое озеро») обобщила впечатления от поездки летом 1908 г. в Нижегородскую губернию – на Оку, в Керженские леса, на озеро Светлояр. Она же ознаменовала новый этап его художественной эволюции: углубляя проблематику книг первых, уходя от этнографии, символизируя повествование, он открывал новые для себя грани духовного бытия. В эти «далекие пространства жизни» [7, с. 230] Пришвин входил, странствуя по заповедным местам, подчеркнута отшельнически живя в глубинах России.

«Путешествовать – это значит видеть впервые вещь, необходимую для писателя» [8, т. 1, с. 797]. На озере Светлояр он если не видел, то искал «Бога живого». Делали это и М. Горький, и И. Шмелев, и те, кто знал собирательную душу России: В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков, Г. Федотов. Но Пришвин шел скорее снизу, от «народного православия», изучал по заветам А. Ремизова народную культуру изнутри, окунувшись в быт и веру старообрядцев, сектантов, дух русского иночества. Письма, записные книжки, дневники того периода отразили уроки батюшек из скитов: «Земля божья»; «Правда одна»;

«Земля неповинна – люди виноваты» [7, с. 245, 268, 271]. Над богословскими и этнографическими аспектами книги «У стен града невидимого» доминируют другие: сокровенные стороны русской души, архетипы народной веры. Да, «в ренессансе начала XX в. было слишком много языческого» [2, с. 164]. Пришвин мифологизировал христианские идеи, трансформировал легенду о граде Китеже и старообрядческие легенды о церквях «древнего благочестия», обыграл сказочные мотивы вхождения в мир, духовного роста, поисков иного царства.

«При приближении Батыя Китеж стал невидимым и опустился на дно озера Светлояр» [10, с. 223, 224]. Китеж, прообраз «иного царства», «райского сада», «прекрасной страны» русского народа, зеркален художественно-психологическим архетипам Пришвина. В рецензии 1913 г. на книгу С. Дурылина «Церковь невидимого града (Сказание о граде Китеже)» он писал, что если народная душа «видит несовершенство в земной церкви, находит себе утешение в церкви небесной, невидимой: так создается сказание о невидимом граде Китеже, и притом очень заботливо, искренне и талантливо, – увлекает» [8, т. 1, с. 804].

«Люди хорошие, лесные; много белых стариков. Спрашивают, куда я еду. Отвечаю: в Китеж, в город невидимый. Никто не удивляется, здесь это

понятно» [8, т. 1, с. 399]. Значение условного Китежа как иного царства Пришвин усилил его пространственным положением: чтобы туда попасть, надо плыть по воде, идти через дремучие леса и болота. Необходимо также обладать чистотой помыслов, искренностью веры. «Я чувствую, как от каждого из этих странников исходит луч веры и пересекается на берегу озера Светлоярого (...) город. Пусть он у меня второй, отраженный, но все-таки город. Я верю в него, Китеж есть» [8, т. 1, с. 431]. В повести глубокий психологический подтекст: «город невидимый» у «Светлого озера» – итог преодоления пространства скорее внутреннего, чем внешнего. Миф презентует архетипы духовного бытия, подсознание и сверхсознание. Возможно, в первом случае это – ад, во втором – рай; приближение к воде таит встречу жизни и смерти, души и тела. Пришвин узрел свет невидимого града, преодолев болота, дремучие леса подсознания, воды архаической психики. Тот свет – «единое пространство, включающее рай и ад, по народным представлениям (...) “вырей”, находится далеко за морем» [10, с. 374].

Невидимую церковь породили заветные устремления народной души. Используя терминологию и методологию Юнга, скажем, что Китеж как продукт коллективно-бессознательного стал образом и категорией символической мысли, сконцентрировал персональный опыт, выразил «небывалое», «прекрасную страну» писателя. Гармонизацию бессознательного и сознательного в философском поиске Пришвина символизировал «мудрый старик». Китеж «спускается людям за чертою всего земного» [8, т. 1, с. 398] – это «особый духовный смысл», «ощущение Бога, который родится на черте, отделяющей природу от человека. Тут он вечно рождается» [8, т. 1, с. 459]. В духовном восхождении это выше, чем «разбросанное в лесу существо человека» периода «Волшебного колобка». На уровне подсознательно-психологическом, ментальном дорога в Китеж, за «черту в сердце», где «начинается бледный свет и особая радость и счастье» [8, т. 1, с. 431], тропа в лесу, путь по воде символически изживанию тревожных ожиданий, комплексов несовершенства. Эти творческие усилия состоят в том, чтобы «уйти и увести с собой читателя в мир иной, совершенно свободный (...) от социальной и родовой тяготы, с их первородными и производными грехами» [5, с. 173].

«Есть такая черта в сердце, темная, как закрытые окна (...) Если сделать усилие воли, то мож-

но и живому человеку перешагнуть за нее (...) город невидимый, скрытый у Светлого озера, называется Китеж. Он и есть тот град Иерусалим, который спускается людям за чертою всего земного» [8, т. 1, с. 398]. Медитативные находки («за черту в сердце») будут востребованы в повести «Жень-шень». Писатель вошел в те сферы, которые сегодня исследует, допустим, этнопсихология. «Приглашать или впускать Богов в храм своего тела», знание способов «перевода себя в измененное состояние сознания» в «экстатических культах» – «жрецы владели этим искусством в совершенстве» [1, с. 31, 32].

Поток чувственных влечений, поклонение тайнам земли, «душе», «речи» природы запечатали современники Пришвина, творцы синтетических форм искусства начала XX века, М. Горький, А. Толстой, И. Бунин, А. Куприн, А. Ремизов, Б. Зайцев, И. Шмелев, С. Сергеев-Ценский. Возможно, Пришвин делал это сильнее других. «Великий Пан» – назвал его Р. В. Иванов-Разумник [3]. «Прекраснейший Вы художник, удивительно русский и в то же время удивительно оригинальный», – говорил Горький [4, с. 348].

Керженские леса – оболочка, «одежда» мира, как в предыдущих сочинениях скалы, фиорды Норвегии, как в последующих – степь, тайга. Лес, озеро – метафоры подсознания, границы культуры и природы, а в самом человеке – физического и духовного мира. Пришвин «возвращал» свои переживания в природу, в которой искал «совпадения с душой человека», «лицо моей родины» [7, с. 289]. «Я жил, получая кровь от матери-земли, и тут какая-то большая радость и любовь была и правда»; «Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел» [7, с. 238, 239].

Город невидимый исцеляет душу автобиографического героя, европеизм и петербургское происхождение которого писатель подчеркивал. Жизнь интеллигенции чудовищно не совпала «с Богом указанной». «У нас все было наоборот. Мы, вся интеллигенция (...) беспокоились о нравственной стороне нашей несуществующей личности (...) мы не жили, а мечтали» [7, с. 216]. В надежде на гармонию культурного и природного в человеке угадывается будущий «геооптимизм» писателя. На такую высоту персонажи первых книг еще не поднялись. Через много лет он, «определившийся человек», сказал о стянувшей в нем крайности энергии творчества: «Трудно мне понять сейчас (...) как я мог тогда одновременно быть желанным гостем у самых изы-

сканных слушателей “искусства для искусства”, равно как и среди подпольных революционных деятелей и представителей таких глубоких народных слоев, куда редко проникает глаз образованного человека» [6].

«Пережив пантеизм «по-своему», Пришвин увидел в природе то, чего не было даже у Гёте. Могучий разум Фауста вызывал Духа Земли, чтобы преодолеть его, но признал свою слабость перед силами природы. Пришвин возможности человека направил не на преодоление природы, а на сотворчество с ней и грядущее совершенство всей жизни. Согласование людского существования с «ритмами» земли и неба – лейтмотив его сочинений – позволило пропеть «всю славу» творческим силам земли. «Подсолнечный мир, значительно охваченный нами в ширину, географически, едва тронут психологически, в глубину» – это «неограниченный материал, требующий приближения к себе родственным вниманием» [9, с. 338]. Секрет и успех творчества – в «драгоценной таинственной силе ритмического родственного внимания» к окружающему миру [9, т. 4, с. 342], согласованию всех частей в природе.

Библиографический список

1. Андреев, А. Очерки русской этнопсихологии [Текст] / А. Андреев. – СПб., 1998.
2. Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии [Текст] / Н. А. Бердяев. – Париж, 1983.
3. Иванов-Разумник, Р. В. Великий Пан [Текст] / Р. В. Иванов-Разумник // Речь. – 1911. – № 23.
4. ЛН. Т. 70. М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка [Текст]. – М., 1963.
5. Пришвин, М. Дневник. 1930 год, 17 сентября 1930 [Текст] / М. Пришвин // Октябрь. – 1989. – № 7.
6. Пришвин, М. М. Наши берега. РГАЛИ. ф. 2569 (Н. Н. Замоскина). Оп. 1. ед. хр. 535. л. 3.
7. Пришвин и современность [Текст]. – М., 1978.
8. Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1–8. – М., 1982.
9. Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1–6. – М., 1956, 1957.
10. Славянская мифология : энц. словарь / Ин-т Слав-я и Балканистики РАН [Текст]. – М., 1995.